

Г.В. ПЛЕХАНОВ И К. МАРКС: ГЕНЕЗИС РАЗЛИЧИЙ В ПОНИМАНИИ РОССИИ

I. В нашей литературе ход развития Плеханова-марксиста /"политическое грехопадение"/ объясняют иногда его положением эмигранта, отрывом от российской действительности, от рабочего и революционного движения и, главное, его "неспособностью творчески развить, практически применить марксистскую диалектику" /Первая марксистская организация в России - группа "Освобождение труда" 1883 - 1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1934. С. 3, 24/. С другой стороны, пробивает себе дорогу, особенно в последнее время, иная крайность, когда концепция Плеханова объявляется своеобразным эталоном марксистского видения российской ситуации.

В этой связи возникает ряд вопросов, дать ответ на которые даже сегодня не так легко. Не упрощаем ли мы /все вместе и по отдельности/ генезис марксизма в России? В чём могло заключаться творческое развитие марксизма в 80-х - начале 90-х гг. XIX в.? Действительно ли "ранний" Плеханов-марксист резко отличается от "позднего", разделявшего / хотя только частично / теории меньшевизма? В чём корень его теоретических и политических просчётов? Чтобы ответить на эти вопросы, следует серьёзнее отнестись к генезису и развитию взглядов Плеханова, проанализировать сам тип его марксистского мышления.

II. Подчеркнём главное: Плеханов судит, вернее, вынужден судить о русских отношениях с точки зрения западноевропейских исторических образцов. Его главная задача заключалась в том, чтобы доказать, вопреки народническим теориям, аналогичность русских социальных и экономических условий с теми, которые существовали в передовых странах Западной Европы, и, соответственно, правомерность применения марксизма к русскому историческому процессу. Духовно он опережает ограниченные условия своей родной страны, поскольку предвидит на основе

нии марксистской теории исторического опыта ушедших вперёд стран пути развития России. И всё-таки горизонт его во всемирно-историческом смысле ограничен. Он ещё вынужден накладывать "классические" схемы капиталистической Европы, почти в неизменном их виле, на российскую ситуацию, существенно отличавшуюся от западноевропейской, почти не чувствует огромных отличий первой от второй. Справедливости ради следует отметить: задача была настолько сложна, что кроме Маркса /и отчасти Энгельса/ никому из марксистов конца XIX в. не удалось проникнуть в "путаницу" российских экономических отношений; впрочем, и Маркс скорее выясняет для себя проблему своеобразия путей России, чем даёт её решение.

III. Знакомство с тремя набросками письма В. Засулич и другими документами показывает, что перед мысленным взором Маркса открывалась иная, чем у Плеханова, картина развития пореформенной России, явно ломавшая традиционные схемы и рамки. С одной стороны, Маркс чётко фиксирует наличие в России того архаического массива традиционных отношений, который он в своих политэкономических работах называл "азиатским способом производства". Сельское население страны было представлено массой не связанных друг с другом "сельских общин"; над этим "локализованным микрокосмом", как и полагалось при "азиатском способе производства", был воздвигнут, возвышался "централизованный деспотизм". С другой стороны, на почву этого архаического образования переносились, внедрялись, причём в необычайно быстрые сроки, новейшие формы капиталистического производства, внедрялись, минуя "естественные" для Запада этапы экономического развития.

Каждый из фрагментов общей картины был достаточно ясен и опирался на изучение исторических прецедентов, но, сведённые воедино, они ставили под вопрос привычную для Маркса картину динамики мира как движения к одной единственной "экономической общественной формации" - единому буржуазному обществу. Соответственно ставилось под

вопрос и грядущее отрицание этой ⁴⁷формации, одна единственная эпоха унитарной революции, результатом которой явится единое коммунистическое человечество.

IV. Отметим примечательный факт. Переходя на позиции научного коммунизма, взявшись за перевод "Комманифеста", Плеханов не придал никакого значения письму Маркса к Засулич /особенно его методологическим аспектам/. Письмо не было вообще передано в своё время гласности, и лишь много лет спустя Д.Б. Рязанов обнаружил его в архиве группы "Освобождение труда". Оно было опубликовано впервые в "Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса" в 1934 г. Не думаем, что это - результат забывчивости или небрежности Плеханова. Это - следствие того, что представления о развитии России самого Плеханова /и в этот период, да и в дальнейшем/ не совпадали с марксовыми прозрениями. Письмо Маркса оказалось просто ненужным Плеханову.

V. Отдавая дань полного уважения Плеханову, сделанному им и его друзьями для торжества марксизма в нашей стране, мы должны указать: направление научного поиска "последнего" Маркса оказалось, как продемонстрировали события XX в., более плодотворным, более соответствующим проблемам освободительной борьбы в России и других странах, чем то, к чему вышли члены группы "Освобождение труда". Анализ Марксом взаимодействия разнотипных элементов исторической эпохи и связанных с ним возможностей, попытка уяснить пути превращения отдельных обществ /в частности, российского/ в звенья общечеловеческого движения в условиях обновленного капитализма, предвидение гигантских выделов энергии крестьянства и национальных сил, рассмотрение проблемы асинхронности вызревания экономических, политических и духовных элементов социальной революции в разных странах и т. п. - все эти замечательные предвидения Маркса получили в XX в. подтверждение на громадном поле наблюдения. Без них нельзя понять размежевания российской социал-демократии, судьбы Плеханова и меньшевиков, своеобразие и характер революции 1917 г., которая, будучи пролетарской, вернее

пролетарски-крестьянской, во многом ⁴⁸оказалась далека от предполагаемых социалистических образцов; наконец, проблема разноосновного, разнонаправленного развития современного мира, который ныне ищет внутри себя новую связь, новое единство.